

SEPTEMBER 2021 | ISSUE #08

INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU
ISSN 2542-1085

MOLECULAR & CELL BIOLOGY
APPLIED FINANCIAL MATHEMATICS
· HUMAN-COMPUTER INTERACTION 5

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №8-2021. 39 p.
DOI 10.54092/25421085_2021_8

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2021

Article writers, 2021

Scientific public organization
“Professional science”, 2021

Table of contents

APPLIED JURISPRUDENCE	5
Maresina M.A. On the issue of criminal responsibility of advocate for commits bribe crimes	5
APPLIED PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY	12
Bazarbaeva L.T., Lapina I.V., Gainutdinova G.F. Combined learning: realities and prospects	12
APPLIED SECURITY AND ANALYTICS	17
Kurbonova Z.M., Saidov S.S. Security problems of the Central Asian region: water and energy aspect	17
Glushchenko V.M., Pronkin N.N. Methodology for assessing the integral potential damage to information security.....	24
CULTURE	32
Mishina T.V., Podolskaya I.N., Samsonenko T.A. Theaterization as a method of directing theaterized performance and holidays	32

APPLIED JURISPRUDENCE

UDC 343.3

Maresina M.A. On the issue of criminal responsibility of advocate for commits bribe crimes

К вопросу об уголовной ответственности адвоката за совершение преступлений,
СВЯЗАННЫХ С ВЗЯТКОЙ

Maresina Mariya Alekseevna

Postgraduate Student, Department of Criminal Law
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russia
Маресина Мария Алексеевна
Аспирант кафедры уголовного права
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Abstract. *The article deals with the issues of qualification bribery committed by advocates. The purpose of this article is to consider the problems connected with the criminal responsibility of a lawyer; analysis of some corpus delicti committed by advocates; identification of contradictions between the provisions of national doctrine and established practice, between the rules of criminal legislation, as well as the search for ways to eliminate them. The author used the universal philosophical method of cognition of legal phenomena, methods of formal logic (analysis, synthesis and others), analysis of criminal case files, linguistic method and other methods. The correct qualification of socially dangerous acts committed by advocates contributes to the elimination and resolution of the some problems examined in the article, as well as a fair solution of the questions of criminal responsibility of such subjects of crime.*

Keywords: *advocate; advocate's activity; bribery; mediation in bribery; criminal responsibility; criminal law.*

Аннотация. *Статья посвящена изучению некоторых проблем квалификации взяточничества, субъектом которого является адвокат. Целью написания данной статьи являлось рассмотрение проблем, связанных с уголовной ответственностью адвоката; анализ некоторых составов преступлений, совершаемых адвокатами; выявление противоречий между положениями отечественной доктрины и сложившейся практикой, между нормами уголовного законодательства, а также поиск путей по их устранению. При проведении исследования использован всеобщий философский метод познания правовых явлений, методы формальной логики, анализ материалов уголовных дел, лингвистический метод и иные методы. Устранение и разрешение рассмотренных в настоящей статье вопросов, способствует правильной квалификации общественно опасных деяний, совершаемых адвокатами, а также справедливому разрешению вопросов об уголовной ответственности таких субъектов преступления.*

Ключевые слова: *адвокат; адвокатская деятельность; взяточничество; посредничество во взяточничестве; уголовная ответственность; уголовное право.*

DOI 10.54092/25421085_2021_8_5

Рецензент: Ибратова Феруза Бабакуловна - кандидат юридических наук, доцент.
Ташкентский государственный юридический университет (Республика Узбекистан)

На сегодняшний день среди небольшого числа всех совершаемых адвокатами общественно опасных деяний взяточничество представляет собой довольно распространенное преступное явление. Вместе с тем уголовно-правовая квалификация преступлений подобного рода часто вызывает вопросы, связанные с ее правильностью, справедливостью и правомерностью.

Анализируя преступления, предусмотренные ст. ст. 291, 291.1 УК РФ, можно очертить круг проблем, чаще всего возникающих на практике и в доктрине.

Так, изучение следственной и судебной практики по уголовным делам в отношении адвокатов свидетельствует о том, что в настоящее время правоприменители нередко сталкиваются с ситуациями, в которых проявляется конкуренция норм, закрепленных в ст. 159 УК РФ и ст. 291.1 УК РФ. В первую очередь речь идет о тех случаях, когда адвокат, пообещавший своему клиенту оказать посредничество во взятке, оставил ее себе.

Приведенные обстоятельства иллюстрируют материалы уголовного дела о покушении на мошенничество в особо крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ), из которых следует, что в начале июня 2021 г. адвокат предложил своему клиенту предоставить ему 3 млн. руб. под видом взятки для сотрудников правоохранительного органа за содействие в назначении более мягкого наказания. Полученные денежные средства юрист собирался оставить себе. В момент передачи подзащитным денег адвокат был задержан оперативниками ФСБ [2].

Необходимо отметить, что изначально отечественный уголовный закон рассматривал подобные деяния с позиции института соучастия, характеризуя их как пособничество в даче взятки, а в некоторых случаях, как подстрекательство или как действия организатора. Кроме того, поскольку лицо, представляющее интересы взяткодателя, зачастую одновременно является и пособником дачи взятки, и подстрекателем к ее получению, его действия с точки зрения уголовного законодательства охватываются ч. 5 ст. 33 и ст. 291 УК РФ, а также ч. 4 ст. 33 и ст. 290 УК РФ, соответственно.

Разрешая подобную проблему, Верховный суд в п. 24 и п. 26 Постановления Пленума ВС РФ от 09 июля 2013 г. № 24 указал, что действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки или

предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу, необходимо квалифицировать как мошенничество. При этом указанные действия не образуют и совокупности преступлений.

Вместе с тем, когда преступный умысел все же был направлен на передачу взятки и реализовать его удалось, такое деяние с точки зрения уголовно-правовой оценки характеризуется как посредничество во взяточничестве.

Например, Кировским районным судом г. Красноярска вынесен обвинительный приговор в отношении адвоката, осужденного за посредничество во взяточничестве в особо крупном размере (ч. 4 ст. 291.1). Согласно материалам уголовного дела, Ганюшкина О. Л. являясь адвокатом-защитником, была знакома с судьей под председательством которого проходило судебное разбирательство в отношении ее доверителя. Выступая в качестве посредника для передачи взятки от подсудимого, адвокат предложила судье назначить ее подзащитному более мягкое наказание, а после приговора отправить его для отбывания срока на родину, в обмен на сумму в 3 млн. рублей, часть из которых (в размере 800 тыс. рублей) предназначалась ей в качестве комиссионного вознаграждения [7].

Юридическая конструкция объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ несколько отличается от конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ. В литературе исследователи относят дачу взятки и посредничество во взяточничестве, наряду с получением взятки, как составляющие части единого понятия взяточничества, характеризуемого в широком смысле [4, с. 40–42].

В отличие от посредничества во взяточничестве, российское уголовное законодательство не раскрывает содержание понятия «дача взятки». В связи с этим большинство ученых сформулировало определение дачи взятки, опираясь на признаки получения взятки [1, с. 296]. Между тем объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, состоит в даче взятке должностному лицу лично или через посредника. Деяние считается оконченным в момент получения взятки (ее части), как самим должностным лицом, так и его близким, поэтому данный состав преступления можно определить как формальный.

Так, Октябрьским районным судом г. Новороссийска адвокат Самоделкин А. В. приговорен к 7 годам колонии строгого режима со штрафом в 2,5 млн. рублей за дачу взятки и. о. начальника отдела УФССП РФ по Краснодарскому краю взятку в размере 500 тыс. рублей (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ). Также суд лишил адвоката права заниматься адвокатской деятельностью на пятилетний срок [9].

Несмотря на то, что подобные деяния совершаются адвокатами нередко, чаще юристы все же привлекаются к ответственности за посредничество во взяточничестве. Подобная тенденция наблюдается уже длительный период времени и не только в Российской Федерации. В 2012 г. Комитет по правосудию и правам человека Парламента Канады в своем докладе отметил, что чаще всего посредниками в подобной преступной деятельности становятся бухгалтеры и юристы [3].

Норма, закрепленная в ст. 291.1 УК РФ, является специальной по отношению к положениям, содержащимся в ст. 290 УК РФ и ст. 291 УК РФ. В соответствии с диспозицией указанной уголовно-правовой нормы, объективную сторону этого деяния составляет посредничество во взяточничестве, под которым понимаются непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Исходя из этого, объективная сторона посредничества во взяточничестве включает в себя как непосредственную передачу предмета взятки, так и иное содействие взяткополучателю и (или) взяткодателю в претворении достигнутого соглашения о даче и получении взятки. Одновременное использование законодателем соединительных союзов «и», «или», свидетельствует о том, что выполнения хотя бы одного из указанных действий для лица посредником достаточно, поскольку для признания преступления окончательным достаточно факта совершения одного из указанных в диспозиции деяний [5, с. 34].

При этом уголовный закон не содержит развернутой трактовки «иного содействия», как одного из альтернативных способов совершения посредничества во взяточничестве. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г., при использовании формулировки «иное содействие в достижении или реализации соглашения между лицами о получении и даче взятки либо предмета коммерческого подкупа», в качестве примера приводится организация встречи соответствующих лиц и ведение переговоров с ними. Представляется, что перечень

подобных действий неисчерпывающий. С учетом этого можно заключить, что под «иным содействием» в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ понимается совокупность действий, направленных на создание условий для достижения или реализации соглашения между лицами о получении и даче взятки либо предмета коммерческого подкупа.

Наряду с этим в теории и на практике достаточно длительное время остается неразрешенным вопрос об уголовной ответственности лиц за посредничество во взяточничестве, когда речь идет о взятке, фактический размер которой меньше значительного. Так, для наступления уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве описательная диспозиция ч. 1 ст. 291.1 УК РФ среди всех обязательных признаков объективной стороны указанного деяния называет значительный размер взятки. Примечание 1 к ст. 290 УК РФ устанавливает критерии, позволяющие определить размер взятки, в зависимости от ее суммы. Для признания размера взятки значительным, законодатель установил одновременно несколько требований: сумма денег, стоимость ценных бумаг, иных благ, составляющих предмет взяточничества, должна быть ниже ста пятидесяти тысяч рублей (крупный размер), но выше двадцати пяти тысяч рублей. Вместе с тем отдельной уголовно-правовой нормой регламентирована ответственность за мелкое взяточничество, не превышающее десяти тысяч рублей. Соответственно, неразрешенным с точки зрения уголовного закона остается вопрос посредничества во взяточничестве, которое по своим объективным признакам не достигает значительного размера, но при этом также не может быть квалифицировано как мелкое взяточничество. Очевидно, что в подобных случаях субъект не подлежит уголовной ответственности в рамках ст. ст. 291.1, 291.2 УК РФ, если размер взятки, которую он должен был передать, выступая в качестве посредника, превышает масштаб мелкого взяточничества, но не достигает значительного размера. Думается, что на практике при аналогичных обстоятельствах правоприменитель квалифицирует подобные деяния по ст. 290 УК РФ или ст. 291 УК РФ, соответственно, со ссылкой на ч. 5 ст. 33. Однако с подобным нельзя согласиться, поскольку все нормы уголовного закона, устанавливающие ответственность за взяточничество, в равной степени направлены на противодействие коррупции в целом, а не на предотвращение отдельных ее проявлений. Таким образом, наиболее справедливым решением сложившего вопроса представляется исключение из нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, указания на «значительный размер» взятки.

Анализируя объективную сторону посредничества во взяточничестве, субъектом которого является адвокат, необходимо отметить, что в данном случае наиболее востребованным остается состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве, совершенное в особо крупном размере).

Например, обвинительным приговором Майкопского городского суда республики Адыгея адвокат была признана виновной в посредничестве во взяточничестве в особо крупном размере (ч. 4 ст. 291.1 УК РФ), а также в посредничестве во взятке в размере, не превышающем десяти тысяч рублей (ч. 1 ст. 291.2 УК РФ) [8].

Наряду с этим при квалификации подобного рода преступлений важно учитывать влияние примечания к ст. 291.1 УК РФ на уголовную ответственность лиц, привлекаемых за посредничество во взяточничестве. Данные положения предусматривают ряд условий, наличие которых позволяет государству освободить указанных лиц от ответственности.

В качестве примера здесь можно привести уголовное дело в отношении двух адвокатов из Челябинской области. В 2017 году адвокаты были задержаны сотрудниками ФСБ после передачи друг другу денег в сумме 3 млн. рублей. Деньги предназначались сотруднику правоохранительного органа в качестве взятки. Адвокаты обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере). Центральным районным судом г. Челябинска было установлено, что юристы сотрудничали со следствием, добровольно сообщили о содеянном, оказывали активное влияние на расследование уголовного дела. Уголовное дело в отношении адвокатов было прекращено в связи с деятельным раскаянием по прим. к ст. 291.1 УК РФ [6].

References

1. Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Научно-практической конференции : материалы конференции / Под редакцией Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. Москва : РГУП, 2015. 612 с.
2. Архив ГСУ СК России по Красноярскому краю за 2021 г. Дело № 1-278.
3. Доклад Комитета по правосудию и правам человека парламента Канады от 22 октября 2009 г. Парламент Канады.

URL: http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?DocId=5462995&File=39#_ftnref10 (дата обращения: 26.08.2021).

4. Кучерявый Н. П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1957. 188 с.

5. Новгородцев В. М. Сложности привлечения к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Сервис в России и за рубежом. 2015. №1 (57). С. 33-41.

6. Постановление Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1-8/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие».

7. Приговор Кировского районного суда г. Красноярска по делу 1-316/2021 от 18.05.2021 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие».

8. Приговор Майкопского городского суда респ. Адыгея по делу 1-23/2021 от 16.06.2021 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие».

9. Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска по делу 1-15/2021 от 31.05.2021 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие».

APPLIED PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

UDC 371.3

Bazarbaeva L.T., Lapina I.V., Gainutdinova G.F. Combined learning: realities and prospects

Комбинированное обучение: реалии и перспективы

Bazarbayeva Laura Taitulevna

Master, Senior teacher of Foreign and
Russian languages chair
Karaganda University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Kazakhstan

Lapina Irina Viktorovna

Senior teacher of
Foreign and Russian languages chair
Karaganda University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Kazakhstan

Gainutdinova Gulfiya Faissovna

Master, Senior teacher of Foreign and
Russian languages chair
Karaganda University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Kazakhstan
Базарбаева Лаура Тайтулевна
магистр, старший преподаватель,
кафедры иностранных и русского языка
Карагандинский университет
Казпотребсоюза,
Караганда, Казахстан
Лапина Ирина Викторовна
Старший преподаватель кафедры
иностранных и русского языков
Карагандинский университет
Казпотребсоюза,
Караганда, Казахстан
Гайнутдинова Гульфия Фаисовна
магистр, старший преподаватель,
кафедры иностранных и русского языка
Карагандинский университет
Казпотребсоюза,
Караганда, Казахстан

Abstract. *This article discusses the application and development of distance learning, in particular, foreign languages. The variants of integration of distance learning into the traditional full-time education system are analyzed. The necessity of joint use of methods of full-time and distance teaching in the process of teaching a foreign language to students of higher educational institutions. How this learning was implemented in the teaching process. The description of four characteristic features of distance education. Examples of advantages and disadvantages were given. The methods of distance learning were considered: programs, online services, and online tools.*

Keywords: *distance learning, distance education, foreign languages, teaching methods, information society, educational process, scientific and technical progress.*

Аннотация. *В этой статье рассматривается применение и развитие дистанционного обучения, в частности иностранных языков. Анализируются варианты интеграции дистанционного обучения в традиционную систему очного обучения. Необходимость совместного использования методов очного и дистанционного обучения в процессе обучения иностранному языку студентов высших учебных заведений. Как это обучение было реализовано в учебном процессе. Описание четырех характерных черт дистанционного обучения. Были приведены примеры достоинств и недостатков. Рассмотрены методы дистанционного обучения: программы, онлайн-сервисы и онлайн-инструменты.*

Ключевые слова: *дистанционное обучение, дистанционное образование, иностранные языки, методы обучения, информационное общество, образовательный процесс, научно-технический прогресс.*

DOI 10.54092/25421085_2021_8_12

Рецензент: Винеvская Анна Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент. Таганрогский институт имени А.П.Чехова (филиал) РГЭУ РИНХ, г.Таганрог. Доцент, ФГБОУ ВО Южный Федеральный Университет, г.Ростов-на-Дону

Nowadays, the relevance of distance learning is that the results of social progress are now concentrated in the information sphere. At present, the era of computer science has come. This is an area of communication, information and knowledge. Based on the fact that professional knowledge is aging very quickly, it is necessary to continuously improve it. Distance learning today makes it possible to create systems of mass continuous self-learning, universal information exchange, regardless of the presence of time and spatial zones. [1, p. 4]. In the information society, the strategy of education is changing significantly, and its most important feature is the widespread use of information technologies. [2, p. 19]. The most important task of higher education today is the formation of future employees and researchers of scientific thinking, skills of independent assimilation and critical analysis of new information, the ability to build scientific hypotheses. The solution of this problem is not possible without the widespread use of new information technologies. Information resources have become a new economic category that determines the next rise of the scientific and technical progress. [3, p. 8].

Distance learning is a method of distance learning in which the teacher and the students are physically located in different places. With this type of training, people who do not have the opportunity to attend traditional classes have a chance to get high-quality training services. Distance learning meets the requirements of modern life, especially if we take into account not only transport costs, but also the costs of organizing the entire system of full-time education. Therefore we have the interest in distance learning, to its various forms, which is necessary throughout a person's life.

To implement distance learning, the teacher must own active teaching methods and help students to form their own learning styles online, master the capabilities of the online learning platform and required software, overcome difficulties and barriers to electronic communication. For effective online course management teachers need to use tools to encourage learners to mastering the course, develop their discipline and skills to meet deadlines completing assignments, assessing student work in a timely manner and provide prompt feedback [4, 6].

Such programs as ZOOM, Google meet, TrueConf, etc. were used.

To teach foreign languages teachers used Quizlet. It is a free online service for creating and using flashcards and educational games of various types and categories (languages, culture, mathematics, geography, etc.). The basis of this application is sets - lists of words, lists of various concepts, pictures or photographs with descriptions.

Google Forms is an online tool that allows you to create forms for data collection, online testing and voting. Most often, Forms are used to interview clients or conduct testing among students and schoolchildren. and many other tools and games that can interest students and make the lesson more productive and useful.

Distance education — education implemented through distance learning. The characteristic features of distance education are:

1. Flexibility-students in the distance education system work in a convenient place and at a convenient pace, at a convenient time, where everyone can study as much as he personally needs to master the subject and get the necessary exams for the selected courses;
2. Modularity — each course creates a holistic view of a specific subject area, which allows you to form a curriculum for individual and group needs; a teacher in distance learning is a coordinator of the student's cognitive activity and a manager of his educational process;

3. Distance exams, interviews, practical lessons, course and project work, computer intelligent testing systems are used for specialized quality control;

4. Motivation has great importance in distance learning. The motivation to get really thorough knowledge is the driving force for distance learning.

Distance learning is especially convenient for those students who, for some reason, cannot attend educational institutions, for example, due to physical disability or if they are geographically situated far from educational institutions. Those people, who live far from educational centers or in places where access to educational programs in certain disciplines is limited or complicated, can take advantage of distance education. For example, this category can include people who want to get an education in another country, the so-called international training.

The same category includes people who do not have the time, desire and opportunity to get to the educational center. For example, people who want to improve their skills. In this sense, distance education helps to save a lot of time for people who have decided to start studying. We can say that distance learning is effective for almost any person who wants to improve their educational level, regardless of age, current employment, interests and opportunities. [5, p. 12].

But along with the advantages, as a rule, there are also some disadvantages of distance learning. Despite the attractiveness of distance learning, a clear theoretical basis is necessary for its formation and development. First of all, it is important to understand what is meant by distance learning, because nowadays you can find a variety of interpretations of this concept. This includes all forms of self-education, and distance learning. The process of distance learning (educational process) is characterized primarily by the fact that it is interactive in its organization, i.e. in the interaction of the teacher and the student. Therefore, when we talk about the process of distance learning, we assume that there is communication between them and communication between students in this process. It can be concluded that it is necessary to create a unified information and educational space that includes all kinds of electronic information sources (including network ones): virtual libraries, various databases, consulting services, electronic textbooks, etc.

Among the disadvantages of the distance learning system today, of course, we can include:

1. Narrowing of the potential audience of students, which is explained by the lack of technical possibility of inclusion in the educational process (computer, Internet connection);
2. The necessity of computer training as a necessary condition for entering the distance education system;
3. The lack of educational and methodological complexes adaptation to distance education courses (in particular, electronic textbooks). Insufficient development of administration systems of educational process and, as a result, a decrease in the quality of distance education in comparison with full-time training.

A very serious problem of distance learning is the reconsidering of the use of many proven pedagogical techniques for better understanding and assimilation of material, such as: the method of reference points, the method of conscious mistakes, the method of choosing the best solution, etc. The use of a wide variety of pedagogical methods becomes more dependent on technical means and ways of organizing contact with students.

However, it should be noted that with any interaction technology, the teacher has to learn to present the material more concisely and clearly or be able to answer questions of students. And in this situation, the constant and continuous self-improvement of both the teacher and the student becomes conceptual.

References

1. Andreev A.A., Soldatkin V.I. Distant learning: essence, technology, organization. - M. : Publishing house MESI, 2010.
2. E. S. Polat Theory and Practice of Distance Learning - M., "Academy", 2004.
3. E.S. Polat Distance learning: Textbook. Manual – M.: humanist.ed.center VLADOS, 2006.
4. Davlatov S.S., Kurbaniyazov Z.B., Rakhmanov K.E. Innovative technologies in the practice of teaching at the surgical department// Collection of abstracts of the IV All – Russian conference with international participation “Medical Education – 2013” April 4-5, 2013 Moscow. P. 141-143
5. Zakharova I.G. Information technologies in education. M.: “Academy”, 2003.

APPLIED SECURITY AND ANALYTICS

UDC 32 (575.3)

Kurbonova Z.M., Saidov S.S. Security problems of the Central Asian region: water and energy aspect

Kurbonova Zulfiya Mahmanabievna

Head of the Department of International Relations and Diplomacy
Russian-Tajik Slavic University,
Doctor of Political Science, Associate Professor

Saidov Saymahmood Saydahmadovich

Vice-rector for educational work of the Tajik State University of Commerce
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

***Abstract.** The uneven distribution of water resources in Central Asia causes a conflict of interests between key water suppliers (Tajikistan and Kyrgyzstan) and its main consumers (Uzbekistan, Kazakhstan and Turkmenistan). There is a vicious circle: the energy priorities of the upstream countries are contrary to the agricultural interests of the downstream countries, since one, first of all, needs electricity, and the second - water for the development of irrigated agriculture. But the ideal isolation of this circle suggests that this is a field for absolutely mutually beneficial cooperation.*

***Keywords:** water resources, energy problems, conflict of interests, energy priorities, mutually beneficial cooperation.*

DOI 10.54092/25421085_2021_8_17

Рецензент: Ерофеевская Лариса Анатольевна - кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Институт проблем нефти и газа Сибирского отделения Российской академии наук (ИПНГ СО РАН)

In Central Asia, water and energy systems are inextricably intertwined. Nature determines the hydrologic interlinkages: multiple transboundary rivers, including the Amu Darya and Syr Darya of the Aral Sea basin, connect the territories of the Central Asian Republics and Afghanistan.

Energy interdependence is man-made: the newly independent states inherited the intricate energy-for-water trading scheme which supplied electricity generated from the

downstream fossil energy riches to the upstream countries during the cold winter season, so that the latter would store water for summer-irrigation needs in their reservoirs.

With the collapse of the Soviet Union the unitary system became transboundary overnight. The re-established national borders continue to pose significant challenges to optimize asset operation and for national and regional water and energy resources management. Central Asia Water and Energy Program was established to help the countries with these nexus challenges.

Forming Partnerships

The Central Asia Water and Energy Program (CAWEP) is a partnership between the World Bank, the European Union, Switzerland (through SECO) and the United Kingdom (through DFID) to strengthen the enabling environment to promote energy and water security at regional level and in the beneficiary countries. Structured along three pillars: (1) energy security; (2) energy-water linkages; and (3) water security, the program pursues three components since its inception in 2009: (a) data and diagnostic analyses; (b) institutions, capacity and dialogue; and (c) supporting investments.

CAWEP promotes water and energy security working at the national scale to strengthen national institutional capacities and sector performance, while at the same time keeping regional cooperation on the dialogue agenda to create an enabling environment for achieving national and regional energy and water security.

CAWEP works with and supports governments, national and regional organizations, civil society organizations, and development partners, including other international financial institutions. The Program is anchored in partnerships with governments to ensure that program activities address national priorities. CAWEP cooperates with other development and financing partners to enhance the impact in meeting its objectives and to leverage investments by others.

Water-Security Based Challenges to Interstate Cooperation in Central Asia

The regional security in Central Asia is determined by various factors. One of them is the allocation of transboundary water resources with a growing potential for escalation, both at national and local levels – within riparian states – and at the regional level, including at river basin level. As summarized in the classical theory of political realism (Morgenthau, 1954; Aron, 1962), like any other conflict, water conflicts in Central Asia are caused by the discrepancy of interests of the involved parties. In Central Asia the problem of allocation of water is of a vital

strategic importance for each riparian country and is often being used as leverage in their international relations (Khakimov, 2013). Unlike oil and gas, water continues to be perceived as "free of charge." It is often used neither with consideration of vital interests of other riparian states, nor taking into account various water dependent sectors, nor the sectorial interdependence.

In order to ensure their own energy security, Tajikistan and Kyrgyzstan decided to exploit the existing hydropower plants (HPP) throughout the year and build new large hydropower facilities: Rogun HPP (on Vakhsh river) and Dashtidjumsкая HPP (on Panj river) in Tajikistan, as well as two Kambar Ata HPP (on Naryn river) in Kyrgyzstan. These plans sound alarming to the neighboring Uzbekistan. Uzbeks fear that additional regulation of these rivers will allow Tajikistan and Kyrgyzstan to fully control the flow of water. Thus, the energy priorities of the upstream countries conflict with the agricultural interests of downstream countries. The first need electricity, the latter water for the irrigated agriculture. As a result, countries accuse each other creating disintegration instead of convergence.

Water became a source of conflict among Central Asia's riparian states, turning into a factor of national and regional instability, impeding the process of regional unity (ICG, 2002). An example was the conflict situation in the Fergana Valley caused by unresolved issues of water distribution in 1998. The conflict led to a crisis between Central Asian countries (*idem*). Regional instability, potential for conflict, and growing security threats to the entire Central Asian region are acknowledged by the European Union as a consequence of continuing poor management of the water sector (Council of the European Union, 2010). There are similar political concerns from the UN General about water cooperation in Central Asia, which is perceived in its global dimension.

The possibility to resolve the existing conflict over water resources in the Aral Sea basin depends on the readiness for cooperation between Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan. More than twenty years after independence, these countries remain insufficiently prepared for it. It also depends on the level of cooperation between the post-Soviet Central Asian countries with Afghanistan, an important upstream country in the Aral Sea basin. Its economic rehabilitation will necessarily impact the availability of water resources in Central Asia in total (UNECE, 2011; p. 15) but this aspect lies outside the focus of this paper.

One of the main bodies dealing with the management of transboundary rivers of the Aral Sea basin is the Interstate Coordination Water Commission (ICWC) and its executive bodies the Basin Water Organizations (BWO) 'Amu Darya' and 'Syr Darya.' They were created in the early nineties and incorporated into the International Fund for Saving the Aral Sea (IFAS). However, a paradox remains in that the operation mode of the basin of Aral Sea is developed without the involvement of power engineers. Moreover, the modes are implemented without representatives of the water industry. In Central Asia, cooperation in joint water use has *de facto* no legal regulation.

International Law Principles and Mechanisms of Transboundary Water Basins Management

Transboundary water management needs to be based on sound international legal framework. In the case of Central Asia, it requires the development of a sustainable interstate legal cooperation based on principles and instruments deriving from international water law. First of all, it shall be referred to principles of law governing the management of transboundary waters. Their proper implementation into interstate praxis is in turn based on certain legal mechanisms of cooperation. Better implementation of the international legal standards into the transboundary water management is the right way to secure regional stability, development and mutual cooperation.

According to international legal standards water management in Central Asia shall consider water's development, use, protection, allocation, regulation, and control, in terms of the quality and the quantity of waters (ILA Berlin Rules, 2004, art. 1). Management of transboundary watercourses requires application of fundamental precepts reflected in a large number of international water law treaties and in customary water laws. The most important of them are: (i) principle of equitable and reasonable utilization of waters, (ii) principle of "no significant harm," and (iii) principle of cooperation. These have been implemented into the currently binding legal framework of the transboundary interstate cooperation in a limited scope (Rahaman, 2012). All three principles reflect general rules of law to determinate the scope of states' rights and obligations for purposes other than navigation in respect to international watercourses. Improvement of the application of these principles in legal practice of interstate relations of Central Asian is still on its way to come.

The legal meaning of these precepts might be summarized as follows. First, the equal right of states to utilize international watercourse does not necessarily mean that all riparian

states enjoy an equal share in a particular watercourse. Second, reasonable use of waters does not equal most productive use or application of most efficient methods known, but is used to be defined in recognized international water policy instruments. Third, since countries shall take appropriate measures to minimize environmental harm within a state as well as across boundaries, there is no doubt that no state has the right to use or permit the use of its territory in such a manner that it causes damage in or to the territory or the properties (for instance to transboundary water resources) or persons therein, when the case is of serious consequence and the injury is established by clear and convincing evidence. A prerequisite of carrying into effect the equitable, reasonable and no harming transboundary water management is the states' obligation to cooperate (UN Water Convention, art. 8).

After the collapse of the Soviet Union, independent national water systems were established in Central Asia. Interstate cooperation in the management of transboundary rivers still requires improvement. States may cooperate using various instruments, especially through information exchange and consultations. Prior notification of planned activities which could cause significant transboundary harm (this essential procedural mechanism is known as environmental impact assessment) presents to states an obligation of customary character regardless whether watercourse states concluded any respective agreement on this issue. In determining the manner of cooperation states "may consider the establishment of joint mechanisms or commissions to facilitate cooperation" (UN Water Convention, art. 8). These mechanisms of cooperation are not common in interstate treaty practice on transboundary water management in Central Asia. Despite the fact that more than twenty years have passed since independence of Central Asian states, neither the above-mentioned law precepts, nor the typical legal instruments of cooperation have been fully implemented into the legal framework on transboundary watercourses in the Aral Sea basin. They still remain a subject of interstate negotiations of multilateral and bilateral character (Janusz-Pawletta, 2015).

Conclusions

The current problem of water allocation and management is complex, and affects the interests of all Central Asian countries and their neighbors. Water in Central Asia is now seen as a factor that may be used to threaten the security of the region. The problem of water allocation is included in the overall perspective of political security; the threat of such a level is usually derived from the claims of hegemony and the propensity to use force to settle disputes between states and within them. These trends are compounded by the weakness of

democratic institutions and the absence or insufficient development of pluralism and the rule of law. Delays in its solution may bring the region in critical conditions for interstate cooperation since the availability of water affects states' economic and political development.

The "water vs. energy" nexus has become a major factor in domestic and cross-border security: downstream countries sell gas and electricity to their neighbors at market prices, and stop deliveries in case of a debt. This gives rise to conflicts at different levels. The mechanism of settlements and compensation for water, existing since Soviet times, is not working anymore. Therefore, a new mechanism is needed. According to the United Nations, Central Asia annually loses more than \$ 1.75 billion, because of the inconsistency of decisions in the field of transboundary water coordination.

Currently each of the Central Asian countries seeks to solve its water problem unilaterally, without considering interest of riparian states. But water shall be a factor that unites the region. It would require more political will on the side of Central Asian leaders, as well as improvement of the existing legal framework based on international water law on transboundary watercourses. A fairly well-established legal regime for interstate cooperation in the governance of transboundary water resources shared by Aral Sea basin riparian states has been developing already for the last twenty-five years: the Almaty and Kyzylorda Agreements, the Nukus Declaration, as well as the Bishkek Agreement on Syr Darya, which is not active anymore. They have a political signification, but are only declarations and protocols of intentions, which make up the framework. A joint mechanism of water use has not been developed.

The existing regime of interstate cooperation in the Aral Sea Basin is nowadays subject to gradual and constant, but protracted development. A difficulty in proper implementation and enhancement of existing policy documents, legal regulations as well as effectiveness of the institutional mechanisms of transboundary water governance is an important indicator of current challenges to interstate cooperation on the scarce resources, such as water. The existing framework of cooperation needs strengthening and modernization to be able to properly implement existing and future challenges to interstate multilateral cooperation in the Aral Sea Basin. The states' obligation to cooperate is a prerequisite of carrying into effect the equitable, reasonable and no harming transboundary water management. The fundamental importance of cooperation between riparian states is the inevitable result of the fact that an international watercourse is a shared natural resource.

Experts agree that the issues of water use in Central Asia cannot be resolved in a bilateral format. The region needs an independent supranational body that would deal with a complex solution of water, energy and agricultural issues and legal order. Water law facilitates creation of a proper water management strategy for every transboundary water basin. The level of today cooperation among Aral Sea Basin riparian states could still be improved for the sake of mutual benefits, especially in the view of magnitude and complexity of water usage problems between all mentioned countries. Its proper management is to be seen as one of the greatest challenges of the years to come in bilateral relations.

References

1. Aron Raymond, 1962, *Paix et guerre entre les nations*, Paris: Calmann-Levy.
2. Barbara Janusz-Pawletta and Mara Gubaidullina. Transboundary Water Management in Central Asia//Legal Framework to Strengthen Interstate Cooperation and Increase Regional Security//
<https://journals.openedition.org/asiecentrale/3180?lang=en#tocto2n1>
3. Blank S., 2012, "Rogun Dam Project Epitomizes Central Asian Security Dilemmas," *Eurasia Daily Monitor* 9(168), September 17, [<http://www.jamestown.org/programs/edm/single/>
4. Central Asia Water & Energy Program
<https://www.worldbank.org/en/region/eca/brief/cawep>
5. Gubaidullina Mara, 2015, « Une gestion commune régionale de l'eau en Asie centrale. Les ressources hydrauliques à la rescousse du besoin d'intégration sectorielle, d'entente et de politiques communes du post-soviétisme appliqué?», in Pierre Chabal (dir.), *Concurrences interrégionales Europe-Asie au XXI siècle*, Bruxelles: Peter Lang, pp. 227-247.

UDC 004

Glushchenko V.M., Pronkin N.N. Methodology for assessing the integral potential damage to information security

Методология оценки интегрального потенциального ущерба информационной безопасности

Glushchenko V.M.,

doctor of Economics, Professor,
honorary worker of higher professional education of the Russian Federation –
Moscow city University of management of the government of Moscow.

Pronkin N.N.,

PhD, associate Professor – Sechenov First Moscow state medical University of the Ministry of
health of the Russian Federation (Sechenov University).

Глущенко В.М.,
д.э.н., д.в.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации – Московский городской университет управления
Правительства Москвы.

Пронькин Н.Н.,
к.э.н, доцент – ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский
университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской
Федерации (Сеченовский Университет).

Abstract. *The article considers the methodology for assessing the integral potential damage to information security on the basis of system analysis.*

Keywords: *Moscow megalopolis, information security.*

DOI 10.54092/25421085_2021_8_24

Рецензент: Бессарабов Владислав Олегович - Кандидат экономических наук. ГО ВПО
«ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского»

The size of the integral potential and prevented damage to information security is determined by the destabilizing factors on the level of damage in the political, economic, environmental and information areas of the life of the metropolis.

Let $S^n = \{S^n_1, \dots, S^n_g, \dots, S^n_G\}$, ($g = \overline{1, G}$),

where:

S^n – integral damage;

G is the number of destabilizing factors per damage level.

The categories of damages included in the lists of their significance are the primary semantic (semantic) information that reflects data on specific damages and the possibilities of a megapolis to prevent them.

The characteristic of the significance of potential and prevented damage is an ordered set of values of the linguistic variable "importance rank" = {first level (1), second level (2), third level (3), fourth level (4), fifth level (5)}.

Let's denote this set of levels by $a = \{ a_1, \dots, a_k, \dots, a_K \} (K = \overline{1,5})$.

Let $S = \{S_1, \dots, S_i, \dots, S_l\}$ be the set of estimated damages,

where:

i is the number of estimated damage;

l is the number of estimated damages.

At the same time, there is a need to solve the problem of determining the degree of importance (danger) of damages and, accordingly, the possible amount of integral damage to the information security of a megalopolis from their combined impact.

For information about a specific damage, the amount of damage and the degree of importance (danger) of damage are a function of time. We denote the function of the importance (danger) of damage to the i-th area of information security of a megalopolis in the socio-economic sphere, which is understood as the value of the relative potential (prevented) damage to information security of a megalopolis when it spreads for different time points, as $a_i(T)$.

Any degree of importance (danger) of damage and the subsequent implementation of measures to ensure the prevented damage require costs to ensure them. On the other hand, premature disclosure of the significance of the damage information security metropolis in the socio-economic sphere S_i can lead to the manifestation of one or more information threats Y_i of the many possible:

$Y = \{ Y_1, \dots, Y_u, \dots, Y_U \}$,

where:

$u = \overline{1, U}$;

U – the number of possible data threats, implementation of which information security metropolis damage.

The magnitude of the relative damage to the information security of a megalopolis is determined by a certain rating – r_i .

When calculating the amount of relative damage, it is necessary to obtain estimates of several contradictory indicators:

- the amount of direct damage that can be caused to the information security of a megalopolis as a result of the implementation of potential information threats;
- the probability of causing this damage;
- the probability of carrying out measures that ensure the prevented damage by existing methods and means;
- the costs that are required for carrying out measures to ensure the prevented damage;
- losses resulting from the implementation of measures to ensure the prevented damage.

The magnitude of the possible damage and, accordingly, the required level of the potential of the measures taken to ensure the prevented damage depends on the scheme of their distribution.

We denote by $L = (L_1, \dots, L_q, \dots, L_Q)$ – the set of possible schemes for the distribution of events, and by L_i - the subset of schemes for the limited distribution of the i -th event.

These factors allow us to construct a certain criterion M , including the amount of possible damage to the information security of a megalopolis, guided by which it is possible to establish the rational degree of carrying out measures that ensure the prevented damage S_i at various points in the time of its use, i.e. to determine the rational function of measures $a_i^*(T)$.

In cases where the scheme of limited distribution of the i -th event $L_i(T)$ is given, the solution $a_i^*(T)$ will be conditionally optimal. In the case when a rational scheme for the distribution of the i -th event $L_i^*(T)$ is chosen simultaneously with $a_i^*(T)$, we get the "best" solution of $a_i^*(T)$ for all possible schemes. Therefore, simultaneously with the definition of the function of measures $a_i^*(T)$ of information S_i by the amount of possible damage $r_i(Y_i, L_i)$, a rational scheme $L_i^*(T)$ of its distribution is chosen, for which the implementation of measures

should be ensured at the required level (maintaining the required level of prevented damage) and at the same time the benefit from its use is not lost.

In general, the task of establishing the rational degree of measures that ensure the prevented damage to the vital activity of the metropolis can be interpreted as follows.

Based on the available initial data ($S_i, S^{\square}, Y, L, T, a$) according to the criterion M , which includes an assessment of possible damage to the information security of a megalopolis from the spread of information threats, it is necessary to find a rational function of measures $a_i^*(T)$ and at the same time a scheme for their distribution $L_i^*(T)$, if it is not fixed.

A direct search of all possible functions of measures and the search for a rational one is practically impossible due to the large number of assessments that must be carried out. Therefore, the problem under consideration is solved in stages:

- at the beginning (at time T_n) is determined by the possible damages $r_i(Y_i, L_i)$ and the importance of $a(T_n)$ events, providing prevented damage S_i ;
- then, on many schemes of distribution of $L_i(T)$ is a rational scheme $L_i^*(T)$;
- for the sound scheme $L_i^*(T)$ or a fixed scheme, $L_{iq}(T)$ is determined by the function of the implementation of $a_i^*(T)$.

To solve this problem on a set of ratings $r_g(T_n)$ of avoided damages S^{\square} and included in the list (where T_n is the time of the emergence of information threats, and R is the scale of the damages or the value of the threat of information representing a fuzzy set R_k specified by a pair $(R, m_k(T_n))$):

$$m_k(T_n) : R \rightarrow a;$$

where

$m_k(T_n)$ – display of the grid on R are linearly ordered set of linguistic values of the variable "degree of importance" (the set a).

The value of the significance function $a_i^*(T)$ for time points $T_j \geq T_n$ and the damage values comparable to it are determined by the maximum of the function of belonging of the rating $r_i(T_j)$ of the i -th damage to the corresponding subsets of the scale of importance (danger)

$$m_i(T_{II} \geq T_n) = \max_{\{a_k\}} m_{ki}(T_j)$$

Since the period of effective implementation of measures depends on the properties of its distribution schemes, at the same time as determining $a_i^*(T)$ by the indicator of the effectiveness of the relevant measures S_i , a rational scheme of their possible distribution $L_i^*(T)$ is selected:

$$K_i(T_{\Pi} \geq T_n) = \max_{\{L_q^*(T)\}} K_{qi} T_{\Pi} ,$$

where:

$$K_{qi} T_{\Pi} = \frac{C_{Yi}(T) - C_q^{ni} T_{\Pi}}{1 - P_q^i T_{\Pi}}$$

At the same time, the appropriate time T_j for reviewing the degree of importance of the prevented damage S_i is determined based on the analysis of the value of the "residual" damage to the information security of the megalopolis, taking into account the following restrictions:

$$P_{qi}(T_n) \geq P_i^*(T_n);$$

$$C_{Yi}(T_n) \geq C_{qni}(T_n) ,$$

where:

- T_n – the initial time of making a decision to assess the degree of importance of the prevented damage S_i ;
- T_{Π} – the time point for determining the main characteristics of the distribution schemes of measures that ensure prevented damage (forecast step);
- T_j – the appropriate time to review the degree of importance of the prevented damage S_i ;
- $K_{qi}(T_j)$ is an indicator of the effectiveness of an event that ensures prevented damage to S_i at the time T_j when it is distributed according to the q -th scheme;
- $C_{Yi}(T_j)$ – the cost value of possible damage from the implementation of the event S_i ;
- $C_{qni}(T_j)$ – the cost of losses from the limited spread of information threats S_i according to the q -th scheme at the time T_j ;
- $P_{qi}(T)$ – the probability of holding events S_i at the time T_j when it is distributed according to the q -th scheme;
- $P_i^*(T)$ – the required probability of holding events S_i .

To calculate the main components of the integral damage caused to the vital interests and information security of the metropolis due to the spread of information threats, special private methods are being developed to assess the direct damage caused to information security as a result of the spread of information threats. At the same time, the possibility of causing damage as a result of the implementation of threats is taken into account by evaluating the degree of manifestation of the corresponding threat by various appropriate methods, i.e. the degree of manifestation of the "threat – damage" relationship. There should also be special private methods for calculating and evaluating the prevented damage. The level (magnitude) of the integral prevented damage to the vital interests of the individual, society and the metropolis in the information field is the basis for making a strategic decision.

References

1. Gluschenko V.M., Pronkin N.N., Simakov A.I. Analysis of the problems of ensuring information security of the megalopolis. *International Journal of Professional Science*. 2021. № 1. С. 43-49.
2. Movchun V., Lushkov R., Pronkin N. Prediction of individual learning style in e-learning systems: opportunities and limitations in dental education. *Education and Information Technologies*. 2020.
3. Panfilova E., Lukyanova A., Pronkin N.N., Zatsarinnaya E. Cloud technology development alongside public life digitalization. *Talent Development and Excellence*. 2020. Т. 12. № S2. С. 3324-3334.
4. Pashanova O.V., Ermakov D.A., Philippova A.V., Tikhonova Yu.A., Pronkin N.N. Analysis methods for medications improving cerebral circulation. *Research Journal of Pharmacy and Technology*. 2021. Т. 14. № 1. С. 115-121.
5. Tyurina Yu., Troyanskaya M., Babaskina L., Choriyeв R., Pronkin N.N. E-learning for SMES. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 2021. Т. 16. № 2. С. 108-119.
6. Глущенко В.М., Елизаров В.С., Крашенинников В.М., Новиков А.Н., Пронькин Н.Н., Сероштан М.В., Шилова Г.Ф. Российская высшая школа в условиях реализации Болонского процесса. Под общей ред. В.М. Глущенко. Москва, 2013.
7. Глущенко В.М., Елизаров В.С., Пронькин Н.Н., Крашенинников В.М., Сероштан М., Новиков А.Н., Шилова Г.Ф. Теоретические аспекты системы высшего профессионального образования в условиях реализации Болонского процесса. Отчет о НИР (Московский городской университет управления Правительства Москвы)

8. Глущенко В.М., Новиков А.Н., Пронькин Н.Н. Количественная оценка информационной безопасности мегаполиса. Экономические исследования и разработки. 2019. № 6.

9. Глущенко В.М., Новиков А.Н., Пронькин Н.Н. Особенности формирования и содержания модели управления московским мегаполисом. Информационные и телекоммуникационные технологии. 2019. № 44. С. 32-37.

10. Глущенко В.М., Новиков А.Н., Пронькин Н.Н. Этапы выработки стратегического решения по обеспечению информационной безопасности мегаполиса. Экономические исследования и разработки. 2021. № 2. С. 96-101.

11. Глущенко В.М., Пронькин Н.Н., Симаков А.И. Роль образования в человеческом капитале. Экономические исследования и разработки. 2020. № 7. С. 55-69.

12. Глущенко В.М., Пронькин Н.Н., Симаков А.И., Семёнычева И.Ф. Структура целевой программы обеспечения информационной безопасности города Москвы. International Journal of Professional Science. 2020. № 9. С. 17-25.

13. Грейбо С.В., Новосёлова Т.Е., Пронькин Н.Н., Семёнычева И.Ф. Дистанционные технологии обучения в сеченовском университете. их преимущества и недостатки. International Journal of Professional Science. 2020. № 4. С. 20-36.

14. Елизарова М.И., Уразова К.М., Ермашов С.Н., Пронькин Н.Н. Искусственный интеллект в медицине. International Journal of Professional Science. 2021. № 5. С. 81-85.

15. Иконникова И.А., Новосёлова Т.Е., Пронькин Н.Н., Семёнычева И.Ф. Инженерная графика. Москва, 2020.

16. Информационная безопасность мегаполиса на примере города Москвы. Монография / Н.Н. Пронькин – М.: ООО «Экслибрис-Пресс», 2017.

17. Калачанов В.Д., Ефимова Н.С., Новиков А.Н., Пронькин Н.Н. Внедрение систем диспетчирования производства на высокотехнологичных предприятиях (на примере предприятий авиастроения). Инновации и инвестиции. 2019. № 3. С. 269-273.

18. Калачанов В.Д., Новиков А.Н., Калачанов В.В., Пронькин Н.Н. Критерии оптимального управления финансированием производственной деятельности предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности (на примере авиастроения). Организатор производства. 2016. № 1 (68). С. 61-68.

19. Калачанов В.Д., Новиков А.Н., Калачанов В.В., Пронькин Н.Н. Разработка комплексной системы критериев оптимизации финансирования производственной деятельности промышленных предприятий (на примере авиастроения). Организатор производства. 2016. № 3 (70). С. 50-61.

20. Московский мегаполис: системный анализ, междисциплинарный подход, информационные технологии управления. Монография / В.М. Глущенко, Н.Н. Пронькин,

Г.Ф. Шилова и др.; под ред. В.М. Глуценко. – М.: Московский городской университет управления Правительства Москвы, 2012.

21. Мяснянкина О.П., Пронькин Н.Н. Достижения и перспективы искусственного интеллекта в медицине. *International Journal of Professional Science*. 2021. № 4. С. 27-32.

22. Новиков А.Н., Пронькин Н.Н. Внедрение инструментальных методов в управление экономикой предприятий ОПК. *Вестник Академии военных наук*. 2014. № 3 (48). С. 148-152.

23. Пронькин Н.Н. Инструментарий управления системой производства продукции ОПК. *Вестник Академии военных наук*. 2015. № 1 (50). С. 147-150.

24. Пронькин Н.Н. Новые подходы к построению системы дистанционного обучения в МГУУ Правительства Москвы. *Вестник МГУУ*. 2011. № 1. С. 135-147.

25. Пронькин Н.Н. Практика внедрения системы дистанционного обучения в МГУУ Правительства Москвы на основе E-learning 3000. *Информационные и телекоммуникационные технологии*. 2011. № 12. С. 72-78.

26. Пронькин Н.Н. Стратегия обеспечения информационной безопасности московского мегаполиса. Москва, 2019.

27. Пронькин Н.Н. Условия решения проблем обеспечения информационной безопасности московского мегаполиса. *Экономические исследования и разработки*. 2019. № 8.

28. Пронькин Н.Н., Новиков А.Н. Программно-математические методы обоснования потребности в экономических ресурсах для выполнения государственного оборонного заказа. *Вестник Академии военных наук*. 2014. № 4 (49). С. 122-125.

29. Пронькин Н.Н., Новиков А.Н. Совершенствование информационных технологий в управлении столичным мегаполисом. *Вестник МГУУ*. 2012. № 1. С. 84-90.

30. Пронькин Н.Н., Симаков А.И. Формирование целевой программы обеспечения информационной безопасности города Москвы. *Экономические исследования и разработки*. 2020. № 6.

31. Симаков А.И., Калёнов Б.В., Пеленицын А.Б., Пронькин Н.Н. Правда - ложь - неясность, как семантический светофор для полиграфа. *International Journal of Professional Science*. 2020. № 7. С. 11-28

CULTURE

UDC 791.6

Mishina T.V., Podolskaya I.N., Samsonenko T.A. Theaterization as a method of directing theaterized performance and holidays

Театрализация как метод режиссуры театрализованных представлений и праздников

Mishina T. V.
Podolskaya I. N.
Samsonenko T.A.

1. PhD in Philosophy, Associate Professor of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
2. Senior lecturer of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
3. Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Мишина Т.В.
Подольская И.Н.
Самсоненко Т. А.

1. Кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
2. Старший преподаватель Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
3. Доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма

Abstract. *The article presents the methodology of scientific research of the concept of "theatricalization". The possibility of considering theatricalization as a method of directing theatrical performances and holidays is determined. The history of the application of this method starting from the ancient period is described. Three types of theatricalization are identified and described: compiled, original, mixed.*

Keywords: *theatricalization, spectacle, director, theatrical performance, holiday.*

Аннотация. *В статье представлена методология научных исследований понятия «театрализация». Определена возможность рассмотрения театрализации как метода режиссуры театрализованных представлений и праздников. Описана история применения данного метода начиная с античного периода. Выделены и описаны три вида театрализации: компилированная, оригинальная, смешанная.*

Ключевые слова: *театрализация, зрелище, режиссер, театрализованное представление, праздник.*

DOI 10.54092/25421085_2021_8_32

Рецензент: Калашников Виктор Евгеньевич - кандидат искусствоведения. Институт искусств, кафедра искусствоведения. ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина

Несмотря на тот факт, что театрализация и другие формы театральной культуры занимают важное место в подготовке и проведении праздничных событий, на данный момент среди исследователей нет определенного единого понимания, универсальной трактовки понятия театрализация, ее функций и того места, которое она занимает в других сферах деятельности. Метод театрализации не получил должного исследования. С другой стороны, важно понимать, что отсутствие правильной теоретической базы негативно сказывается на результатах работы режиссеров-практиков, которые активно используют метод театрализации в своей деятельности, именно поэтому исследование театрализации как творческого метода в рамках режиссура является актуальным и важным вопросом, требующим изучения.

А.А. Конович полагает, что «... наиболее частой ошибкой практиков, обусловленной чисто эмпирическим подходом к театрализации, является его понимание как введение художественного материала (фрагмент фильма, сцены из спектакля, музыка, музыка, танец, концерт, перформанса) в празднично-церемониальном действии. Таким образом, он эквивалентен художественной иллюстрации, представляя, по сути, лишь наиболее сложную ее разновидность» [5].

Л. В. Демина понимает театрализацию, как: «... организация единого действия на основе драматургического (сценария) и режиссерского замысла, подчинение всех элементов события себе» [3].

Суть метода театрализации заключается в том, чтобы привести к гармоничному совместному движению элементы театрализованного представления. В качестве таких элементов может быть использован свет, звук, декорационное оформление, элементы сценографии, актеры. Театрализация представляет собой творческий метод, который является крайне сложным для воспроизведения, потому что сочетает в себе различные элементы процесса, такие как организация, методология и, конечно же, психология. Характер театрализации имеет под собой двойную функцию, потому что выполняет сразу несколько аспектов: художественных и социально-психологических. Метод театрализации воздействует на зрителя с воспитательной точки зрения, а также представляет собой художественную форму.

Главная цель метода заключается в необходимости создать такую ситуацию, в которой каждый зритель становится частью единого настроения, проникается единым духом, который изначально закладывает в свой замысел режиссер.

В. Ф. Кудашев отмечает, что «театрализация как художественное явление имеет глубокие корни, которые заложены как в национальных, так и в профессиональных традициях развития искусства» [6]. Источником метода театрализации и театрализованных представлений уходит корнями в Древнюю Грецию. Представления, ритуальные обряды в рамках празднования Дионисий являются основой появления праздничной культуры в целом. Театрализация использовалась в этих обрядовых представлениях и представляла собой совместное использование нескольких элементов выразительности, таких как слово, пластика, музыка, которые становятся единым целым.

Сегодня роль метода театрализации постепенно становится все более значительной. Часто под методом театрализации понимается наполнение праздника элементами художественной выразительности, организация деятельности по законам театра, как сложный творческий метод, имеющий глубокую социально-психологическую основу и наиболее близкий к искусству театра.

В то же время театрализация, как отмечает исследователь И.В. Прокофьев, «может быть не связан с драматическим действием, потому что, в отличие от драматизации, он направлен не только на текстовую структуру: постановку диалогов, создание драматического напряжения и конфликтов между персонажами, динамику действия, при этом не требует наличия конфликтов, скрипта, ролевой системы».

Ф.Т. Бегишева обращает внимание на то, что «современное понимание театрализации формируется в контексте формирования нового типа мышления, в коммуникативных условиях современного виртуального экрана, когда сама социальная среда становится носителем обеих эстетик. Появление нетрадиционных форм искусства, работающих с обязательным участием публики, когда имитация реальности была заменена игрой реальности, актуализирует позиции радикального переосмысления проблемы формирования эстетической практики» [1].

Н. Я. Макарова в процессе изучения метода театрализации, приходит к выводу, что «научное понимание термина театрализация в конце XX века позволяет рассматривать игровые приемы, интерактивные в контексте театральных технологий как особый прием действия, основанный на системе К.С. Станиславского, на теории действия и параметрах взаимодействий П.М. Ершова» [7].

Исследователи понимают театрализацию как:

- как игровое средство;
- как компонент театральной педагогики;
- как вид театральной технологии.

Н. Н. Евреинов обращал особое внимание на тот факт, что театрализация как творческий метод может быть активно использована в работе с детьми в образовательных учреждениях. Театр является важной сферой, в которой свои творческие способности могут реализовать дети, театр также связано не только с воспитательными целями, но и с ощущением праздника, которому дети готовятся, проводя большое количество времени в репетиционных процессах. Работа в театральных студиях, кружках позволяет ребенку развивать свои психические функции, свои таланты и творческие способности, а также базовые человеческие навыки взаимодействия с другими людьми [4].

Театрализация является переосмыслением действительности средствами искусства. Драматизация является театрализацией, но без художественно-образного начала. Игра находится на перекрестке театрализации и драматизации.

С.К. Борисов, изучая метод театрализации, предлагает различать две ее стороны [2]:

1) Театрализация сценария: творческий способ преобразования жизни, документальный материал в художественный сценарий.

2) Театрализация режиссера: творческий способ доведения сценария до формы образного художественного представления через систему изобразительных, выразительных и аллегорических средств.

Л. И. Футлик и Р.П. Козлова в словаре «Режиссура массового театрализованного представления» подробно рассматривают театрализацию, выделяют три типа театрализации: «компилированная, оригинальная, смешанная» [11]. Остановимся на этом аспекте подробнее.

Театрализация компилированного или комбинированного вида представляет собой отбор и использование различных образов, уже существующих. Режиссер осуществляет связь этих элементов с помощью собственных ходов. Такой метод театрализации используется при создании концертов. Здесь важно понимать, что при

использовании метода компилированной театрализации важно сначала выделить смысловое ядро того образа, который был отобран режиссером. Именно этот смысловой центр будет являться основополагающим при выборе средств театрализации.

Театрализация оригинального вида – самый сложный вид театрализации, который подразумевает создание собственных, оригинальных образов. Этот способ используется для театрализации в документальном жанре. Здесь необходимо соединить документальный, реальный материал и созданный на его основе художественный образ таким образом, чтобы продемонстрировать эмоциональную составляющую этого материала. Данный подход является сложным для воспроизведения, так как требует тщательной подготовки и осмысления. Режиссеру в данном случае потребуется готовить каждый номер программы в отдельности, чтобы каждый из них отражал документальный материал, который является основой будущей постановки.

Театрализация смешанного вида - использование первого и второго типов.

Этот метод заключается как в создании нового, так и использовании уже созданных образов. Этот метод построен на основе тематически оправданного соединения этих образов.

А. А. Рубб, обсуждая специфику театрализации в концерте, подчеркивает, что «театрализация означает, что такой концерт имеет, прежде всего, единый художественный сценический образ, для создания которого используются выразительные средства, присущие театру и театральному исполнению, а именно: ход сюжета, сценическое действие, постановка, персонификация по ролям ведущих, сценография, живописная атмосфера» [10]. Метод театрализации раскрывает эмоциональное содержание постановки, помогает более глубоко раскрыть идейное и тематическое содержание постановки.

Режиссер, искусствовед Т.Ю. Смирнягина подчеркивает, что «в сочетании фактов из жизни и фактов искусства возникает новая мифологическая парадигма жизни, основанная исключительно на идеалах древнейших кодексов человеческого мировоззрения».

В развитии театрализации в режиссерском искусстве главная роль принадлежит наследникам К.С. Станиславского – Мейерхольду, Вахтангову, М. Чехову [9].

Биомеханика Мейерхольда представляет собой систему внутреннего обоснования существования различных театральных форм, а также процесс поиска определенных приемов, которые происходят внутри личности, которые приводят к соответствующему поиску соответствующих внешних методов, которые перерастают в организацию творческого метода.

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что на данный момент существует большое количество различных трактовок понятия театрализация, современные исследователи приходят к выводу о том, что это явление является достаточно сложным и рассматривают метод театрализации по-разному. В качестве основополагающих моментов выделяем следующие:

– театрализация как художественное явление имеет глубокие корни, уходящие в историю Древней Греции и культа Диониса;

– театрализация имеет в своей основе единый художественный сценический образ;

– театрализация реализуется в трех разновидностях: компиляционный, оригинальный и смешанный;

– театрализация сценария представляет собой творческий способ преобразования жизненного, документального материала в художественный сценарий;

– театрализация также может быть основой воспитательной и творческой работы в образовательных учреждениях с детьми.

References

1. Бегишева Ф.Т. Предпосылки формирования театрализации// Вестник Казанского гос. Ун-та культуры и искусств. -2010. -№2. -С.40-44
2. Борисов С.К. Основы драматургии театрализованного действия / С. К. Борисов. - Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2005. - 216с.
3. Дёмина Л.В. Традиционный народный праздник в контексте современной культуры. // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусства. -2011. -№1. - С.103-107

4. Евреинов Н.Н. Театрализация жизни // Демон театральности. Сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. Летний сад, М.; СПб., 2002. 535с.
5. Конович А.А. Театрализованные праздники и обряды в СССР: Науч.- попул. — М.: Высш. шк., 1990. — 208 с
6. Кудашов В.Ф. Инновационные технологии в режиссуре художественно-спортивных праздников // StudNet. – 2020. – Т. 3, № 8. – С. 214-221.
7. Макарова Н.Я. Театрализация в формировании толерантного поведения будущих педагогов : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 284 с.
8. Макарова, Е.А. Организация концертно-зрелищной деятельности: методическое пособие для работников культуры / Е.А. Макарова, С.Б. Мойсейчук, И.Л. Смаргович. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 170 с.
9. Плотников А.В., Плотникова Г.Г. Режиссерская методика В.Э. Мейерхольда в организации социально-культурных зрелищ. Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7. № 4. С. 61-66.
10. Рубб А.А. Театрализованный тематический концерт. Совершенствован!! организации и проведения. Конспект лекций. Изд. третье. Пере раб. и доп.- М.: АПРИКТ, 2005 - 67 с.
11. Футлик Л. И., Козлова Р.П. Режиссура массового театрализованного действия: Словарь. /Перм. гос. ин-т искусств и культуры. - Пермь: УПЦ "ДИККС",1999.- 113с.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№8/2021

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 1.7
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”